

УДК 81

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.17

**К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТНОЙ СУЩНОСТИ МЕТАФОРЫ,
ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О «МЕТАФОРИЧЕСКОМ КРУГЕ»**

© Р. З. Мурясов, А. С. Самигуллина*

*Бакирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (347) 273 28 42.***Email: lingua_anna@mail.ru*

Настоящая статья посвящена проблеме экспликации сущности метафоры с концептуальных позиций авторской теории «метафорического круга». Основным постулатом данной теории является то, что «рождению» метафоры предшествует метонимия, поскольку именно метафора берет свое начало в границах предметности. Цель статьи сводится к рассмотрению метафоры на уровне предметных сущностей; уровне мышления, или когниции; уровне языка и уровне культурно специфичных смыслов. Применяя техники интерпретации, характерные для каждого из перечисленных уровней анализа, выявляются главные особенности метафорической концептуализации / категоризации действительности.

В рамках статьи обсуждаются также традиционные критерии разграничения метафоры и метонимии в свете предложенной авторами концепции.

Ключевые слова: *метафора, метонимия, предметное пространство, когнитивное пространство, пространство языка, культурно специфичное пространство.*

Статья посвящена широко обсуждаемому вопросу о сущности метафоры. Другими словами, проблема, которая будет в ней обсуждаться, может быть квалифицирована в первую очередь как проблема возможного разграничения метафоры и метонимии и определения, имеет ли место метафора без метонимии в силу своей предметности. Собственно, в этом и состоит конечная цель проводимого исследования.

Отметим, что несмотря на то обстоятельство, что данная проблема неоднократно обсуждалась в работах известных зарубежных и отечественных лингвистов [1–3], начиная еще с трудов Р. Якобсона (1956, 1971), который рассматривал различия метафоры и метонимии через призму синтагматических и парадигматических отношений в языке, в настоящий момент так и не сложилось единого мнения на этот счет. Каждый из исследователей предпринимал попытку изучения какого-то одного аспекта указанной проблемы, которая не потеряла своей актуальности и сейчас, когда наука о языке уже давно вышла за пределы собственно лингвистики (в понимании Ф. де Соссюра) в область междисциплинарности.

Начнем с того, что несколько лет назад нами было введено понятие «метафорический круг» [4], с помощью которого можно достаточно наглядно представить процесс «рождения» метафоры и ее трансформации под воздействием определенных факторов. Суть данного понятия состоит в следующем.

Метафора, будучи многогранной и разноплановой сущностью, принадлежит нескольким пространствам (пространство в данном случае есть очередная метафора! Действительно, мы живем метафорами – хотим мы этого или нет). Начнем с **предметного пространства**, с одной стороны, са-

мого конкретного в силу своей материальной осязаемости, а с другой – максимально абстрактного в момент осмысления метафоры в контексте символизации. Метафора с ярким проявлением черт метонимичности в данном случае получает свою реализацию через предмет посредством механизма символизации. Так, по мнению Г. И. Берестнева, предметные метафоры наилучшим образом отражают результат прорыва содержаний из таинственных и в высшей степени сокровенных глубин человеческого сознания в область окружающей человека реальности [5, с. 47]. С одной стороны, мы имеем дело с предметной метафорой, с другой – с метафорой-символом. Например, крест, как известно, символизирует *солнце, человека с распростертыми руками* и даже *мировое древо*. В данном случае метафора, с одной стороны, возвращается в мир субстанций и предметов, а с другой – выходит на новый уровень абстракции, поскольку теперь получает трактовку через символ. Подобного рода культурные и религиозные символы, по утверждению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, представляют собой особые случаи метонимии [6, с. 67], но в облики метафоры.

Далее (и на эту способность метафоры впервые эксплицитно указывали Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей революционной работе), метафора есть особый механизм мышления, а потому она бытует в **когнитивном пространстве**. При помощи механизмов конкретизации или генерализации метафора реализует себя посредством когнитивных динамических моделей разной степени обобщенности, а потому обнаруживает то большую, то несколько меньшую привязку к экспликации метонимических отношений. Указанные когнитивные модели проявляют свою сущность через **образы-схемы** (здесь происходит онтологическое

слияние метафоры и метонимии); максимально обобщенные когнитивные метафоры с явной тенденцией к метонимизации: **онтологические, структурные и ориентационные метафоры** (классификация Дж. Лакоффа и М. Джонсона); многочисленные конкретизации метафорических конфигураций (например, ЧЕЛОВЕК есть НАСЕКОМОЕ (паук): он может раскинуть сети и поджидать добычу и т.п.). В последнем случае метафора как когнитивная модель стремиться «убежать» от метонимии, но до конца ей это все-таки не удается.

Механизм вербализации «опредмечивает» метафору в **языковом пространстве**, или **пространстве языка**. Здесь языковое выражение является манифестантом метафоры. Кроме того, языковое пространство способствует выявлению критериев разграничения метафоры от метонимии, хотя границы между этими сущностями чрезвычайно зыбкие (*fuzzy and slippery*). При этом, одна языковая метафора может быть более метафоричной, чем другая, т.е. метафора градуальна (*gradable*). Чем ярче образ, тем меньше метонимических черт заключено в метафору.

И наконец, метафора входит в **культурно специфичное пространство**, проявляя себя при помощи коннотации, подключив механизмы интерпретации и оценки.

Таким образом, изучение сущностных характеристик метафоры, а также смежной проблемы разграничения метафоры и метонимии, следует проводить на следующих уровнях: уровне предметных сущностей, уровне мышления, или когниции, уровне языка и уровне культуры. Отметим, что первые три уровня представляют собой иерархически организованные структуры, параллельные друг другу, в то время как уровень культуры, или культурно специфичных смыслов, пронизывает эту иерархию и завершает содержательное оформление метафоры. Итогом взаимодействия указанных уровней становится максимально тесное слияние

образа и предмета, что ведет к образованию метафоры-символа, архисмысла (см. *рис.*). Так, круг смыкается в своем саморазвитии и самодвижении к аттрактору (в синергетическом понимании), но данный процесс нельзя назвать конечным, поскольку под воздействием установок культуры архисмысл метафоры-символа может стираться, символическая составляющая утрачиваться и остается только чистая предметность, которая может либо снова начать движение в направлении символизации, либо приостановиться в своем саморазвитии. В этом и проявляются автопоэзисные возможности метафоры [7–8].

Рассмотрим взаимодействие указанных пространств на примере анализа следующего метафорического контекста, в котором, помимо всего прочего, на передний план выходит еще одно чрезвычайно важное свойство метафоры – дискурсивность: *“I recognize the Republican party as the **sheet anchor** of the colored man's political hopes and the **ark** of his safety”* – Frederick Douglass (*“Я признаю Республиканскую партию последним якорем политических надежд цветного человека и ковчегом их безопасности”*) – Фредерик Дуглас, американский писатель, один из известнейших борцов за права чернокожего населения Америки.

Уровень предметных сущностей (предметное пространство): *якорь* как неотъемлемый атрибут оснастки любого корабля (*any of various devices dropped by a chain, cable, or rope to the bottom of a body of water for preventing or restricting the motion of a vessel or other floating object, typically having broad, hooklike arms that bury themselves in the bottom to provide a firm hold* [9]); *ковчег* как большое судно, построенное Ноем для спасения своей семьи и всего живого от потопа (*(sometimes initial capital letter) Also called Noah's Ark, the large boat built by Noah in which he saved himself, his family, and a pair of every kind of creature during the Flood. Gen. 6–9* [10]).

Рис. 1. Уровневая организация модели анализа метафоры.

Уровень мышления, или когниции (когнитивное пространство):

Представляется, что наиболее наглядно метафорическая концептуализация действительности раскрывается через теорию Тернера-Фоконье:

SHEET ANCHOR

- 1) **S (область источника)** – запасной становой якорь; **sss** (исходное пространство 1 (input space 1)) – запасной якорь спасения → единственная, последняя надежда;
- 2) **T (область цели)** – партия, способная защитить права “цветного человека”; **tft** (исходное пространство 2 (input space 2)) – политическая партия, отстаивающая интересы чернокожих граждан → способная стать прибежищем от дискриминации → надежда на лучшее будущее;
- 3) **G (родовое пространство + ментальные коннекторы)** – последняя надежда;
- 4) **B (смешанное пространство)** – с помощью данной метафоры Республиканская партия предстает перед нами единственным пристанищем, политическим якорем спасения для прав чернокожих граждан;
- 5) **BTS (общая модель метафорической конструкции): CONTAINER-OBJECT** – *sheet anchor* (становой якорь), **CONTAINER-SUBSTANCE** – надежда на спасение.

ARK (OF ITS SAFETY)

- 1) **S (область источника)** – ark (ковчег); **sss** (исходное пространство 1 (input space 1)) – Ноев ковчег → просторное судно, на котором спаслись Ной, его семья и различные животные от всемирного потопа → место спасения;
- 2) **T (область цели)** – партия, способная защитить от расовой дискриминации; **tft** (исходное пространство 2 (input space 2)) – партия республиканцев → выступала против рабства → защита чернокожих граждан;
- 3) **G (родовое пространство + ментальные коннекторы)** – спасение, защита, безопасность;
- 4) **B (смешанное пространство)** – ковчег был домом, сохранным местом для его ‘пассажиров’ от наводнения, аналогично Республиканская партия – гарант защиты для цветного человека от рабства и дискриминации;
- 5) **BTS (общая модель метафорической конструкции): CONTAINER OBJECT** – ark (ковчег), **CONTAINER SUBSTANCE** – спасение, безопасность; **MIND IS A MACHINE** – идеология Республиканской партии есть механизм против дискриминации, рабства, расизма.

Таким образом, для усиления эффекта воздействия концепты «спасение» и «безопасность» реализуются дважды в рамках одного метафорического контекста посредством дискурсивной сочетаемости метафорических моделей.

Уровень языка: 1) в английском языке закрепляется устойчивое выражение “sheet anchor”, ко-

торое используется не только в прямом, но и в переносном значении: a final reliance or resource, as when in danger [11]; 2) лексема “ark” также получает метафорическую интерпретацию: a place of protection or security; refuge; asylum [10]. Соответственно, язык приспособил обсуждаемые выражения к собственному узусу.

Уровень культурно специфичных смыслов:

в религиозной англоязычной традиции *anchor* является символом надежды и безопасности. Кроме того, якорь в англоязычной культуре олицетворяет спокойствие и надежность. Ark (ковчег) является собой символ присутствия Бога, а потому также ассоциируется с надеждой, безопасностью и защищенностью. Таким образом, культурная специфичность в данном случае имеет под собой религиозные основания. Как видно из примеров, наивысшая степень метафоризации достигается в акте символизации, в результате которого происходит стабилизация (метафорического) образа через семиотизацию предметных сущностей.

Попробуем систематизировать воззрения на предмет разграничения метафоры и метонимии и описать критерии, позволяющие или не позволяющие это сделать.

Если обобщить основные точки зрения на предмет разграничения метафоры и метонимии, то большинство из них сводятся к двум критериям, якобы позволяющим развести эти сущности: 1) в основе метафоры лежит скрытое сравнение, а в основе метонимии ассоциация по смежности; 2) метонимия сохраняет связь с областью источника, находясь с ней в одном пространстве, в то время как метафора находится в нескольких измерениях. Попробуем оспорить оба из этих критериев в свете теории «метафорического круга».

Предметная метафора (роза – символ любви; голубь – символ свободы и проч.) в равной степени основывается на ассоциации по смежности и ассоциации по сходству. В данном случае очевидно совмещение предмета и символического образа предмета, а также уподобление предмета нематериальной сущности.

Когнитивная метафора, проявляющая себя в виде **образа-схемы** (например, ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ, ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ и проч.), иллюстрирует аналоговые способности мышления человека (сходство), но одновременно здесь присутствуют и ассоциации по смежности. В очередной раз получается, что образы-схемы суть примеры нерасчлененного проявления метафоры и метонимии. **Структурные, онтологические и ориентационные метафоры** (в соответствии с классификацией Дж. Лакоффа и М. Джонсона), по сути, изначально предполагают наличие метонимических отношений в своей основе. Попробуем применить атомистический подход для целей анализа и рассмотреть английский устойчивое выражение *credit crunch*. По когнитивному рисунку данное языковое выражение инициирует

модель структурной метафоры в понимании Лакоффа-Джонсона. Здесь можно усмотреть одновременную реализацию метонимической и метафорической проекций. Данное выражение находится в активном обороте с августа 2007 г. и используется для обозначения экономического спада (*credit crunch = economic downturn/recession/economic slump/economic crisis; credit-crunch* [compound adj.]: *credit-crunch Britain, etc.*).

Реализуемая метонимическая модель 1:

CREDIT CRUNCH IS ECONOMIC CRISIS (*credit has dried up → banks collapse → businesses fold → governments frantically bail out → bankruptcy, unemployment, less consumer spending => RECESSION*).

Реализуемая метонимическая модель 2:

CREDIT CRUNCH IS ANY PROBLEMATIC SITUATION

Метафорическая модель:

T (область цели): a difficult situation [caused by a lack of money] (*cash/budget/financial crunch*).

S (область источника): a noise [like the sound of something being crushed].

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ (metaphorical mapping):

A DIFFICULT FINANCIAL SITUATION IS A CRUSHING NOISE (dangerous, spontaneous, unpleasant to the ear, and destructive) [4, с. 166–167].

Таким образом, языковое выражение *credit crunch* на когнитивном уровне представляет собой сложную конструкцию, организованную по принципу двух когнитивных метонимий и одной когнитивной метафоры, хотя в традиционном понимании ее бы скорее трактовали именно как метафору, а не как метонимию из-за более сильного влияния ассоциации по сходству. Как мы видим, тем не менее, уже сама метафорическая связь (проекция) способна вызвать ассоциацию по смежности.

Второй критерий разграничения метафоры и метонимии изживает себя тогда, когда на ум приходят случаи так называемой референциальной метафоры (*referential metaphor*). Приведем лишь один пример, имеющий широкое хождение на просторах лингвистики: *Susan sank into sadness. She stayed at the bottom for many months*. Приведенный контекст манифестирует модель ориентационной метафоры (**SADNESS IS DOWN**) и модель референциальной метафоры в предложении 2: **ВОТТОМ**

IS THE WORST PHASE OF HER SADNESS STATE.

Подведем некоторые итоги. Теория «метафорического круга» позволяет увидеть сущность метафоры в действии и подтверждает факт того, что процессы метафорической и метонимической концептуализации/категоризации действительности идут рука об руку. При этом более простой по своей сути процесс (метонимический) инициирует и поддерживает более сложный процесс – метафорическую концептуализацию и категоризацию действительности. Изначальная предметность метафоры также является следствием ассоциации по смежности и подтверждает гипотезу о том, что границы, возводимые между метафорой и метонимией, настолько условные и проницаемые, что одна сущность может легко раствориться в другой, порождая разные образы и ассоциации в сознании реципиентов общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bartsch R. Generating Polysemy: Metaphor and Metonymy // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / Ed. R. Dirven, R. Poerings, Berlin – New York: Mouton de Gruyton, 2003. Pp. 49–74.
2. Dirven R. Metaphor and Metonymy: Different Mental Strategies of Conceptualisation // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / Ed. R. Dirven, R. Poerings, Berlin – New York: Mouton de Gruyton, 2003. Pp. 75–111.
3. Warren B. An Alternative Account of the Interpretation of Referential Metonymy and Metaphor // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / Ed. R. Dirven, R. Poerings, Berlin – New York: Mouton de Gruyton, 2003. Pp. 113–130.
4. Самигуллина А. С. Метафора – Когниция – Семиотика. Интерпретации жизни или жизнь интерпретаций? Lambert Academic Publishing, 2011. С. 170–180.
5. Берестнев Г. И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // *Вопросы языкознания*, М.: Наука, 2008. №1. С. 37–65.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова, М.: Едиториал УРСС, 2008. 256 с.
7. Самигуллина А. С., Бакиев А. Г. Лингвосинергетическая интерпретация метафоры Т. Прагчетта (на мат-ле произведений из цикла «Плоский мир»). М.: Флинта: Наука, 2017. 184 с.
8. Muryasov R. Z., Samigullina A. S., Bakiev A. G. Metaphor through the Lens of Linguosynergetics (Exemplified by the concept “DEATH” in Terry Pratchett’s discourse) // *XLinguae*. 2018. Vol. 11. Issue 3. Pp. 136–145.
9. Anchor URL: <https://www.dictionary.com/browse/anchor?s=t>
10. Ark URL: <https://www.dictionary.com/browse/ark?s=t>
11. Sheet anchor URL: <https://www.dictionary.com/browse/sheet-anchor>

Поступила в редакцию 11.06.2020 г.

После доработки – 14.09.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.17

**ON THE ISSUE OF OBJECT-BOUND METAPHOR NATURE,
OR AGAIN ON THE NOTION OF “METAPHORICAL CIRCLE”**

© R. Z. Muryasov, A. S. Samigullina*

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (347) 273 28 42.
Email: lingua_anna@mail.ru

The present article is focused on the problem of metaphor essence through the lens of the notion “metaphorical circle” introduced by the authors several years ago. The basic principle underlying the theory under consideration boils down to the assumption that metonymy proceeds the emergence of metaphor because metaphor stems from the so-called object-bound space. The purpose of the given article is to view metaphor at the object-related level, at the level of cognition, at the level of language, as well as at the culture-bound level. The application of those interpretation techniques specific to the indicated levels contributes to a better insight into metaphorical conceptualization/categorization peculiarities. Within the specified object-bound space, metaphor is closely related to metonymy through the mechanism of symbolization. The so-called cognitive space contains mental metaphorical models in actu. These models possess different concretization/generalization properties and get their manifestation by way of image-schemas and other more concrete metaphorical mappings listed in “Metaphors we live by”. Language space (the linguist is mostly interested in) is represented by metaphor-based utterances. The utterances in question trigger images of different vividness due to the fact that metaphor is gradable in terms of metaphoricity. Thus, one metaphor is more metaphoric than others of the same kind. Culture specific (or culture-bound) space contains certain interpretations and evaluations of metaphorically designated items characteristic of this or that cultural community. This space is of paradigmatic nature whereas the others are predominantly syntagmatic. The authors of the article also consider in the light of “metaphorical circle” theory the salient criteria typical for traditional semantics for setting apart metaphor and metonymy. The conclusion arrived at is that the boundaries between metaphor and metonymy are fuzzy and slippery.

Keywords: metaphor, metonymy, object-bound space, cognitive space, language space, culture-bound space.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Bartsch R. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Ed. R. Dirven, R. Poerings, Berlin: Mouton de Gruyton, 2003. Pp. 49–74.
2. Dirven R. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Ed. R. Dirven, R. Poerings, Berlin: Mouton de Gruyton, 2003. Pp. 75–111.
3. Warren B. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Ed. R. Dirven, R. Poerings, Berlin: Mouton de Gruyton, 2003. Pp. 113–130.
4. Samigullina A. S. Metafora – Kognitsiya – Semiotika. Interpretatsii zhizni ili zhizn' interpretatsii? [Metaphor – Cognition – Semiotics. Interpretations of life or life of interpretations?] Lambert Academic Publishing, 2011. Pp. 170–180.
5. Berestnev G. I. Voprosy yazykoznaniya, Moscow: Nauka, 2008. No. 1. Pp. 37–65.
6. Lakoff G., Johnson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Ed. A. N. Baranova, Moscow: Editorial URSS, 2008.
7. Samigullina A. S., Bakiev A. G. Lingvosinergeticheskaya interpretatsiya metaforiki T. Pratchetta (na mat-le proizvedenii iz tsikla «Ploskii mir») [Linguosynergetic interpretation of the metaphor of T. Pratchett (based on the material of the works from the “Discworld” cycle)]. Moscow: Flinta: Nauka, 2017.
8. Muryasov R. Z., Samigullina A. S., Bakiev A. G. XLinguae. 2018. Vol. 11. Issue 3. Pp. 136–145.
9. Anchor URL: <https://www.dictionary.com/browse/anchor?s=t>
10. Ark URL: <https://www.dictionary.com/browse/ark?s=t>
11. Sheet anchor URL: <https://www.dictionary.com/browse/sheet-anchor>

Received 11.06.2020.

Revised 14.09.2020.